

айтуының өзін елбасының исламның өркеніеттік орасан зор мүмкіншілігін және исламдық принциптердің елдің әлеуметтік-мәдени дамуында үлкен рөл атқаратындығын мойындауы деп түсінеміз.

Қазіргі таңда жастардың дінді ұстануын ескерсек, олардың дүниетанымында дінаралық сыйластық, яғни, өзге діндерге құрметпен қарау, дінді ұстанбайтын азаматтарды түсіне білу және ұлтаралық келісім мәдениетін қалыптастыру өзекті мәселеге айналып отыр.

1. Байтенова Н.Ж. Қазақстан Президентінің «Жаңа әлемдегі жаңа Қазақстан» атты жолдауындағы Қазақстандағы конфессияаралық келісім мәселесі. // «Өркеніеттер сұхбатын» дамытуда Қазақстан мәдениетаралық және конфессияаралық келісімнің әлемдік орталығы ретінде. Халықаралық ғылыми практикалық конференцияның материалдары. 31 мамыр 2007 жыл. Алматы 2007.- 4 б.

2 М. Махфуз. Діннің қоғамдағы орны // «Аль-Фараби – Абай: проблема премственности» Материалы международной научной конференции. Алматы, Дом Дружбы, 9-10 ноября 2007г. Алматы «Қазақ университеті» 2007.

3. Борецкий О. М. Столкновение цивилизаций с обществом потребления // Казахстан как мировой центр межкультурного и межконфессионального согласия в развитии «диалога цивилизаций». Материалы Международной научно-практической конференции 31 мая 2007 г. Алматы 2007.

4. Фарифолла Есім. Сана болмысы (Саясат пен мәдениет туралы ойлар). Екінші кітап. Алматы: Ғылым, 1996 -61б.

5. Рысбекова Ш.С., Борбасова К.М. Религиозный смысл бытия человека // «Аль-Фараби –Абай: проблема премственности» Материалы международной научной конференции. Алматы, Дом Дружбы, 9-10 ноября 2007г. Алматы «Қазақ университеті» 2007.

6. Мынбаев Мурат кажы. Роль молодежи в формировании межконфессионального согласия в Республике Казахстан. // Материалы информационно-пропагандистской работы по пропаганде Послания Президента РК Н.А. Назарбаева «Новый Казахстан в новом мире», профилактика религиозного экстремизма и укреплению межконфессионального и межнационального согласия, проведенного в Восточно-Казахстанской области. Астана., 2007 г.

7. Бұл да сонда.

Статья посвящена к проблеме роли религии в жизни молодежи.

Б.Г. Нуржанов

ОКУЛОЦЕНТРИЗМ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИЯ

Постмодернизм, расширяя понятие модернизма (модернити) до «исторического типа культуры или общества» (тип современной культуры), а его временные рамки от настоящего времени до эпохи Возрождения, вводит парадигму зрения, визуальности в качестве важнейшей характеристики этого типа культуры. Проблематика визуальности, визуализации культурных форм, анализ оптического лексикона, метафор и образов западной культуры становятся одной из важных тем постмодернистской культурологии. В этом смысле западная культура, начиная с древней Греции и до настоящего времени определяется здесь как «окулоцентризм» (ocularcentrism). Рефлексия о роли зрения как культурного фактора в развитии и перипетиях западной культуры в постмодернизме варьируется от констатации фундаментальности и глубокого анализа окулоцентризма до его тотальной критики как фактора, приведшего Запад к глубокому кризису и краху. Бодриар считает, что современная культура (термин «постмодернизм» он не употребляет), гиперреальная или симулятивная культура, это культура тотального господства взгляда,

доступности всего взгляду, созерцанию, культура обнажения и раскрытия самых скрытых, интимных вещей. В этом он видит суть порнографии – в доступности мира зрительному созерцанию на экране телевизора, в упразднении дистанции, отделявшей ранее зрителя от объекта, в ликвидации сценического пространства, предохранявшего объекты от «голового видения», глазения. Современная (постсовременная) культура порнографична, обценна, обес-сценена; это культура превосходства визуальных форм – кино, телевидения, видео, компьютера.

Есть большой соблазн выстроить бинарную оппозицию «модернизм/постмодернизм» как оппозицию слушания/зрения (или говорения/зрения, чтения/зрения, языка/глаза), но все гораздо сложнее. С одной стороны, уже целый ряд «модернистов» (Ницше, Бергсон, Беньямин, Хайдеггер) выступают с резкой критикой окулоцентризма и глубоко рефлексиируют над феноменом визуальности; с другой – именно модернизм с момента своего возникновения (с эпохи Возрождения) выдвигает программу упорядочения видимого как главную стратегию

новой зарождающейся культуры, стратегию подчинения мира, бытия, действительности, культуры, познания, истины господству глаза. И совершенно неслучайно, что именно живопись и архитектура становятся главными видами искусства эпохи Возрождения, поскольку именно в этих формах осуществляется реализация этой программы, поскольку эти формы и создают эту программу. И сразу же (что совершенно необычно) живопись достигает уровня «совершенства», уровня высших неподражаемых образцов, поскольку живопись и архитектура должны были доказать состоятельность и эффективность предлагаемой программы прежде всего на себе. Необычно здесь то, что «обычно» тот или иной вид искусства начинает с проб и ошибок, первых, «примитивных» форм, постепенно развиваясь и достигая совершенства к периоду зрелости или старости, шаг за шагом, достижение за достижением переходя от несовершенных ко все более совершенным формам. Так было с литературой, музыкой, балетом, оперой, фотографией, кинематографом. Но не с живописью: возникнув на заре перспективизма она сразу же стала моделью, неподражаемым образцом для всей последующей реалистической живописи. В эпоху Возрождения живопись была больше, чем «видом искусства», она была «философией времени», Искусством с большой буквы, политикой, важной социальной формой человеческого бытия.

Программа упорядочения видимого была чем-то значительно большим, чем живописно-архитектурной или художественной программой. Это была широкая социально-философская и культурная программа нового мироустройства, объединяющая в себе, и главное – конкретизирующая, идеи гуманизма, прогресса, активности, секулярной (человеческой) власти, технического господства, власти/знания, новой «естественной» науки, новой философии субъекта и т.д. Для создателей этой программы она была программой Возрождения утраченного, а не создания нового, начала которой они возводили к древней Греции и Риму. Но именно то, что они оценивали как подражательство, стало на деле подлинным открытием: идеи и техники перспективизма в античности не было, или это был совершенно иной перспективизм.

Древнегреческий перспективизм базируется на совершенно иной основе, чем новоевропейский. Их роднит то, что сегодня именуется окулоцентризмом – гегемонией глаза как главного культурного органа. Но он совершенно лишен идей гуманизма, прогресса, активности и других, обозначенных выше, без которых немислим новоевропейский окулоцентризм. Мы

напомним, что древнегреческая парадигма культуры рождается из парадигмы полиса, и что архаическая греческая культура отдавала явное предпочтение уху как главному культурному органу. Если Гераклит пишет, что «глаза – более точные свидетели, чем уши» [1], то Гомер и его герои считают с точностью наоборот: одно из главных условий мудрости здесь – слепота. Лишь с зарождением полисной культуры начинается переоценка роли слушания и зрения, начинается гегемония видения и зарождается окулоцентризм. Но в греческом полисе культурной формой, которая была призвана обосновать гегемонию видения, стала не живопись, а театр, «зрелищное искусство». Рождение театра следует поставить в перспективу окулоцентризма, кроме всего прочего он должен был «заняться воспитанием» нового глаза, нового способа видения, подобно тому, как в культуре модерна эта функция была возложена на живопись. Аналогичную культурную функцию выполняет и греческое пластическое искусство – также исключительно зрелищная форма, чем и объясняется, на наш взгляд, ее высокий (и удивительно ранний) взлет.

Но основным социокультурным институтом, утвердившим окулоцентризм в качестве основной парадигмы западной культуры, стала философия. Если в отношении ко многим другим философским вопросам взгляды досократиков и «сократиков» существенно разнятся, то в отношении зрения они удивительно едины. Философия рождается как продукт перехода от культуры говорения/слушания к культуре видения, от культуры памяти к культуре мышления, и как пронизательно замечает Ханна Арендт, «с самого начала в официальной (formal) философии мышление мыслилось в терминах зрения... Превосходство зрения так глубоко укоренено в греческой речи, а поэтому и в нашем концептуальном языке, что мы редко обнаруживаем какие-либо размышления по этому поводу, так, словно это принадлежит вещам, слишком очевидным, чтобы их замечать» [2]. Ту же мысль высказывает Жак Деррида: «Эта метафора тени и света (показывания себя и сокрытие себя) является базовой метафорой западной философии как метафизики... Вся история нашей философии является фотологией» [3]. Философия изначально базируется на превосходстве видения над слушанием, и если вся западная философия является историей платонизма, как считают Хайдеггер, Уайтхед, Делез, Деррида и многие другие, то господством окулоцентризма не только в философии, но и во всей культуре мы обязаны в первую очередь Платону.

Во-первых, от досократиков до нас дошли

только фрагменты произведений, по которым мы можем лишь приблизительно реконструировать их «подлинные» взгляды, эти фрагменты часто «противоречат» друг другу, решающим условием того или иного их понимания здесь является интерпретация исследователя. Но, во-вторых, Платон, в конечном счете, явился не просто продолжателем досократической традиции окулоцентризма, а создателем новой. Платон вводит метафорику света, сияния, Солнца и с помощью метафоры света он совмещает бытие с истиной, обосновывает *естественность* этой связи. Это хорошо демонстрирует Хайдеггер, интерпретируя истину (*aletheia*) в понимании Платона как «нескрытость», открытость ее взгляду, хотя и понимаемому не как сенсорное чувство, а как интеллигибельная способность. Свет, ориентированный на, и порождающий способность зрения, как и бытие, у него является «безусловным условием», то, что порождает всё, но само находится вне сферы условного, порожденного. Наиболее наглядно это проявляется в теории идей – одновременно онтологии и гносеологии Платона. Идеи, эйдосы (от греч. *idein* – видеть, созерцать) доступны только зрению, хотя и особому, умственному созерцанию, но ни в коем случае уже не слуху или другой сенсорной способности. Истина – это свет, брошенный на бытие, бытие как свет, являющее себя в свете. Созерцание истины бытия – это *theoria* (от греч. *theorain* – видеть, смотреть).

Особое место в конституции платоновского окулоцентризма играет знаменитая аллегория пещеры, к которой неоднократно обращались самые разные мыслители на протяжении истории философии вплоть до настоящего времени, и которая получила невероятное различие интерпретаций. Здесь узники пещеры представлены как существа, лишённые (естественного) света, погруженные во мрак и видящие только тени, отражения реальных вещей и событий на стене пещеры. Естественный свет (истина) идет извне пещеры, и условием познания истины является обращение к естественному свету, выход из пещеры. Все образы этой аллегории являются исключительно визуальными, зрительными. Выход из пещеры, открытие истинного света, познание истины у Платона является также *пайдеей*, процессом образования, совершенствования души.

И эта аллегория отсылает также к фундаментальной для Платона идее *блага*, которую он метафорически выражает через «солнце», также визуальную метафору. Благо это солнце, которое освещает всё вокруг светом бытия и истины. Свет для Платона это не просто одно из качеств или составляющих бытия, не

одна из эмпирических способностей человека, это то, в чем бытие пребывает, в чем оно являет себя, в чем всё движется, видится, понимается, в чем всё это становится возможным. Если для Хайдеггера язык является *домом* бытия, то Платон сказал бы «дом бытия – это свет». Своеобразно разыгрывает Платон и диалектику света и тьмы, где творческой, креативной, новационной способностью наделяется только свет, тогда как тьма представляет собой косную, пассивную, лишённую энергии материю. Эта диалектика еще слишком ригористична, она жестко отделяет свет от тьмы, не допускает их смешения, их игры, взаимопереливов, как, например, обращались с ней художники и философы Нового времени. Метафорику света Платон превращает в метафизику зрения как философию и онтологию света. Если метафизика имеет дело с тем, что находится за пределами сущего (физики), то таковым «сверхсущим» для Платона является свет. Бытие и свет равно(сверх)сущи. Ярким примером такой трансформации выступает аллегория пещеры: это не просто частная метафора, проясняющая процесс познания, воспитания или социализации человека, а целая картина мира, теория этого мира, пытающаяся прояснить основания мироустройства.

Окулоцентризм ярко проявляется и в его теории познания как теории диалектики. Как весьма своеобразно показывает Делез, скрытый смысл Сократовой майевтики (теории диалектики Платона) состоит не столько в столкновении и игре противоположных позиций, сколько в процедуре различения истинного и неистинного знания. Диалектика это механизм сортировки, просеивания и отсеивания истинного от ложного. Платон первым устанавливает различие между ними, между *doxa* (сомнительным знанием) и *episteme* (достоверным знанием). И решающим критерием их различения является достоверность *видимого*: лишь то, что видимо, доступно зрению относится к *episteme*, все остальное – слухи, сплетни, рассказы – относится к *doxa*. Эта эпистемологическая окулоцентристская традиция проходит красной линией через всю историю философии от Платона до Гуссерля, и начинает подрываться лишь в эпистемологиях Ницше, Бергсона, Хайдеггера и постмодернистов.

Деррида раскрывает более детально связь между зрением и истиной (знанием) у Платона и Аристотеля. Конститутивным и центральным (но скрытым) понятием для западной философии является, по его мнению, понятие «присутствия» (*presence*). Оно является матрицей, формирующей всю совокупность философских понятий и всю историю западной философии.

Присутствие, утверждает Деррида, это также визуальное понятие. Элементом, связывающим присутствие со зрением, и порождающим оптический дискурс греческой философии является *форма*. «Форма является самим присутствием. Формальность является тем, что представляет себя в вещах как таковых, *позволяет себе быть видимой*, предоставляет себя мысли» [4]. У Платона формой является эйдос, идея – источник истины и знания, у Аристотеля собственно «форма» (*morphe*), которая аналогична платоновской идее, но носит не трансцендентный, а имманентный вещам характер. Лишь знание форм через посредство видения у обоих мыслителей является истинным познанием. Видимость форм является решающим условием познания. Тем самым, замечает Деррида, греческая философия формирует фундаментальное для западной философии различие формы и материи, которое марксизм считал «основным вопросом философии». Но если марксизм отдавал приоритет материи перед формой (идеей), то Платон и Аристотель деятельность, энергию, креативность придают форме, рассматривая материю как косный, инертный, пассивный элемент.

Мы опускаем приключения окулоцентризма в средние века, поскольку это самостоятельная обширная тема, которая может увести нас в сторону от рассматриваемой темы – истории западного окулоцентризма. Принадлежность средневековья типу западной культуры оспаривается многими учеными. Нас гораздо больше интересует рассмотрение окулоцентристского характера культуры Нового времени (куда мы включаем и Возрождение), положившей начало современной культуре или тому, что получило наименование «модернити» как нового типа общества, «закат» которого, по мнению многих культурологов, мы наблюдаем в наши дни (по мнению Бодриара – недавно пережили). Начало Нового времени – культуру Возрождения – отличает от средневековых культур ярко выраженный визуальный характер, возникновение целого ряда новых визуальных форм культуры, визуальных метафор, образов, понятий и т.д. И прежде всего это рождение новой, реалистической или перспективной живописи, перспективной архитектуры и скульптуры. Но не только. Рождается новый тип власти, базирующийся уже не на авторитете суверена и репрессивно-принудительных практиках, а на операциях надзора и контроля, как это хорошо показал Мишель Фуко. И этот тип власти базируется на гегемонии зрения, и наиболее ярко проявляется в идее *паноптикума*

и матрице тюремной надзорной системы. Паноптикум – это тотальная, всеобщая обозримость, видимость контролируемого мира, прозрачность и доступность надзирающему взгляду любого подконтрольного объекта и субъекта. Властная матрица тюрьмы становится социальной моделью, по которой выстраиваются все остальные подсистемы общества – завод (производство), армия (казарма), школа, университет, больница, церковь, профсоюз, семья.

Рождается капиталистическая экономика, становящаяся «реальным базисом общества» (Маркс), и сама базирующаяся на визуальных формах деятельности. Она становится частью паноптической власти, и со своей стороны закрепляет гегемонию глаза и окулоцентризм как «естественное положение вещей». Зримость, материальная визуальность экономического производства, доступность визуальному контролю составляют часть «естественного бытия человека». Слепой практически полностью исключен из производственного процесса, тогда как глухой или немой могут вполне комфортно вписаться в него. Напомним, что в архаических культурах слепота рассматривается скорее как благо, чем наказание или недостаток.

Рождается новый тип знания – экспериментальная наука и естествознание, возвысившее статус зрения до главного сенсорного чувства. Средневековая парадигма знания как интерпретации и чтения сменяется парадигмой наблюдения, зрительного восприятия; основным объектом познания становится природа, доступная лишь внимательному наблюдению, созерцанию, оптика выдвигается в число ведущих физических дисциплин; происходит раскол познания на субъекта и объекта, выходящий далеко за пределы только философии, и возможный только на предпосылке гегемонии зрения.

1. *Фрагмент 101a (DK)*

2. *Arendt, H. The Life of the Mind. –New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978, pp. 110-111.*

3. *Derrida J. Forme et signification. // Derrida J. L'écriture et la différence. –Paris, Minuit, 1967, p. 45.*

4. *Derrida J. Forme et vouloir-dire. // Derrida J. Marges de la philosophie. –Paris, Minuit, 1972, p. 188. (Выделено мной-Б.Н.)*

Мақалада батыс мәдениетіндегі окулоцентризм қарастырылады.

Okulocentrizm of western culture is discussed in this article.